

Паника в глазах Юй Аньяня улеглась. Придя в себя и ощутив под ладонью мягкую, нежную кожу, он мгновенно отпрянул, разжав пальцы.

Нань Цзин поднялся на ноги и искренне поблагодарил его:

— Спасибо.

Юй Аньянь с трудом перевёл дыхание. Отмахнувшись, без лишних слов он поднялся и подошёл к алтарю, где ржавым гвоздём был прибит какой-то листок.

К счастью, тусклый огонёк свечи уже рассеял густой мрак, и Нань Цзиню больше не пришлось жечь кремний зажигалки.

Присев перед алтарным столом, Нань Цзин взгляделся в прибитый к облупившемуся красному лаку листок и при слабом мерцании фитиля прочитал:

«Мы, все жители деревни Одинокого Дракона, возносим сию смиренную молитву Тебе. Молим ниспослать нашим землям благодатные дожди и вечное процветание. Посему мы вписали имена и даты рождения каждого из нас в Книгу жертвоприношений и ныне усердно ищем достойную Твоего величия жертву. О благая сила, исполни наши чаяния, когда свершится обряд».

Нань Цзин нахмурился.

«Вот, значит, о каком обряде без умолку твердил староста...»

И теперь стало предельно ясно: в качестве жертвы они наметили его, Нань Цзина.

Юй Аньянь прищурился, вновь оглядывая просторный зал. Кроме алтаря здесь высились лишь громоздкие гробы. Он задумчиво постучал пальцами по бедру и тихо предположил:

— Нань Цзин, как думаешь, может, эту Книгу спрятали в одном из гробов?

«В гробу?»

Нань Цзин задумался.

— Вполне возможно, — он слегка склонил голову набок. — В некоторых глухих краях есть обычай класть листок с датой рождения покойника прямо ему в гроб. На алтаре написано, что в Книге собраны судьбы всех жителей деревни Одинокого Дракона. Если в этих домовинах лежат мёртвые сельчане, то и Книга вполне может покоиться рядом с кем-то из них.

Щёлкнув зажигалкой, Нань Цзин добавил огня к тусклому пламени свечи и медленно огляделся.

Помещение бывшей молельни оказалось на удивление просторным — правильный бетонно-деревянный прямоугольник без единой щели. Единственным выходом оставалась дверь, через которую они вошли. Напротив неё чернел проём деревянного окна, наглухо залитый цементом.

Гробы стояли плотными рядами, разделяясь на три отчётливые группы. Ближе всего к выходу выстроились те, чьи крышки лоснились от дешёвой белой краски. Чуть глубже темнел второй ряд — здесь гробы были покрыты тонким, почти прозрачным слоем багрового лака.

Самые жуткие, угольно-чёрные гробы ютились у самого алтаря. Их было всего четыре. На торце каждого алел выведенный красной краской иероглиф «Поминовение», а на крышке первого гроба лежала бумажная ритуальная лилия. В душном, наглухо запертом склепе не могло быть сквозняков, но белый бумажный лепесток вдруг едва заметно качнулся, словно от чьего-то дыхания.

Нань Цзин проводил взглядом качнувшийся лепесток. Он пожил в глухих деревнях достаточно долго, чтобы разбираться в подобных вещах:

— Цвет домовины выбирают неслучайно, — негромко произнёс он. — В белых хоронят тех, кто ушёл из жизни бездетным, не успев создать семью или вовсе не дожив до совершеннолетия. Красный гроб — для «радостных похорон». В них кладут глубоких стариков, почивших от старости в окружении любящих внуков. А вот чёрные гробы... это знак лихой, неестественной смерти. Несчастный случай, внезапный недуг, утопление или убийство. Одним словом, лютая гибель.

— Лю... лютая? — у оператора, забившегося в угол неподалёку, зуб на зуб не попадал. Уставившись на четыре траурных ящика возле алтаря, он испуганно попятился. — Послушайте, может, ну её? Мы правда собираемся потрошить эти гробы ради какой-то дурацкой книги?

Прежде чем Нань Цзин успел возразить, от двери донёсся истеричный, осипший вопль Ли Ифэя:

— Я не стану лезть к мертвецам! Хотите подохнуть — копайтесь сами! Нань Цзин, ты совсем чокнулся!

Нань Цзин наградил его ледяным взглядом.

Юй Аньянь раздражённо поморщился. В его голосе зазвенел металл:

— Мы поднялись сюда не для того, чтобы трястись от страха, а ради спасения. Мы заперты.

Скоро начнётся ритуал, и если мы будем сидеть сложа руки, не выживет никто. Нам нужны зацепки. Любые.

Он полоснул тяжёлым взглядом притихшего оператора и жмущегося к стене Ли Ифэй:

— Искать будут все. Без исключения.

Ли Ифэй злобно оскалился, баюкая уколотую ножом ладонь. Обида душила его, но перечить режиссёру он больше не рискнул.

Белые гробы у самого входа выглядели наименее угрожающе на фоне остальных угрюмых исполинов. Нань Цзин подошёл к одному из них. Простая домовина, наспех покрытая извёсткой, без надписей и узоров — самый «миролюбивый» вариант в этом мрачном склепе. Вокруг него оставалось достаточно свободного пространства, чтобы в случае опасности успеть отпрянуть назад.

Юй Аньянь молча встал плечом к плечу с юношей. Оператор и Ли Ифэй нехотя поплелись следом. Трусливый актёр держался позади всех, испуганно косясь на белую доску крышки и готовый дать дёру при малейшем шорохе.

Нань Цзин уже протянул руки к крышке, но ладонь Юй Аньяня мягко перехватила его пальцы. Режиссёр прикрыл глаза, сделал короткий вдох и, навалившись всем телом, сдвинул тяжёлую деревянную плиту. С глухим стуком она рухнула на пол, подняв облако вековой пыли.

Нань Цзин заглянул внутрь и судорожно прикусил губу, подавляя рвущийся крик.

На дне гроба лежал мертвец. Совсем ещё мальчишка, иссохший и хрупкий, одетый в грубую деревенскую рубаху и холщовые штаны. Его широко распахнутые стеклянные глаза застыли в немом ужасе, уставившись прямо на незваных гостей. Казалось, мертвец вот-вот сделает вдох и потянется к их горлу. Ворот его рубахи был разорван. На обнажившейся груди чернела ровная, хирургически точная рана — точно такую же они видели у погибшего ассистента Чэня. С кожи безжалостно сняли лоскут.

Гроб оказался глубоким, а его углы тонули во тьме. Труп лежал на ворохе испачканной кровью соломы и полуистлевшего савана. Слабый огонёк зажигалки едва ли мог разогнать этот мрак.

Юй Аньянь мрачно разглядывал покойника.

— Когда мы вели переговоры с деревней, — негромко произнёс он, — я видел только старосту и крепких мужчин. Ни детей, ни стариков среди них не было. Похоже, все они давно здесь.

— Он... он же не двинется? — пролепетал побелевший Ли Ифэй, пятясь к стене. — Вдруг он сейчас очнётся?

— Заткнись! — в один голос прикрикнули на него Юй Аньянь и Нань Цзин.

Нань Цзин переглянулся с режиссёром и, не теряя времени, решительно опустил руку в гроб.

Наличие Книги в гробах оставалось лишь догадкой. Листки с именами и датами рождений могли лежать где угодно — под телом, в складках савана или под гнилой соломой. Нужно было прощупать каждый сантиметр.

Нань Цзин сосредоточился. Действовать нужно было немедленно. Если не найти разгадку сейчас, завтра безумная нечисть деревни принесёт их в жертву. И первой её целью станет он сам.

Он осторожно скользнул ладонью вдоль деревянного борта, стараясь не задеть окоченевшее тело юноши.

Юй Аньянь хотел было помочь, но Нань Цзин крепко перехватил его за запястье и настойчиво покачал головой. Протянув ему зажигалку, он шепнул:

— Режиссёр Юй, лучше посветите мне. Я в детстве часто помогал устраивать обряды в деревнях, так что с гробами управляться умею.

Оператор и Ли Ифэй испуганно жались в паре шагов позади, боясь даже вздохнуть лишний раз.

К едкому химическому запаху дешёвой извёстки примешивался удушливый, липкий душок разложения и застарелой крови.

Нань Цзин выпрямил пальцы и прижал ладонь к шероховатому дну домовины. Дерево дышало могильным холодом, от которого пальцы быстро немели. Он продвигался медленно, сантиметр за сантиметром. Доски были обработаны из рук вон плохо. Даже сквозь слои олифы и краски ладонь то и дело натывалась на занозы.

Вдруг дно гроба с глухим треском просело. Лежащее внутри тело резко накренилось, и скользящая, полуразложившаяся кожа мертвеца мазнула Нань Цзина по тыльной стороне ладони.

Юноша замер, не смея пошевелить ни единым мускулом.

— Мамочки! — взвизгнул Ли Ифэй, отпрыгнув назад.

Воцарилась мёртвая тишина. Слышно было лишь судорожное дыхание перепуганных мужчин. Нань Цзин медленно, стараясь не делать резких движений, поднял глаза на Юй Аньяня.

Режиссёр понял его без слов. Присев ниже, он поднёс огонёк зажигалки к самому полу и заглянул под гроб. Убедившись, что всё в порядке, он облегчённо выдохнул:

— Всего лишь подпорка съехала. Деревянный брус под днищем подгнил.

Остальные шумно перевели дух.

Кивкнув, Нань Цзин снова погрузил пальцы во тьму гроба. Он осторожно продвигался к угловому стыку досок у самого изголовья. Внезапно его ладонь наткнулась на что-то влажное и неестественно скользкое.

Сюда, в глубокий тёмный стык, тусклый свет от зажигалки сверху не проникал вовсе. Пальцы Нань Цзина коснулись чего-то холодного, покрытого слизью.

<http://bllate.org/book/19041/1922400>